

неопределенность... Но Степан Китов не поддавался никаким искушениям и вел ритмическую фразу твердо, конечно так, как он ее понимал...»⁵⁹.

По преимуществу певцом-солистом был Лаврентий Дмитриевич, из села Липина-бора, на берегу Белого озера. «У него был какой-то особенный, старосветский стиль, и своеобразность его пения мешала другим петь с ним». «Каждую мелодию, — характеризует манеру его пения Е. Э. Линева, — он сопровождал своеобразными украшениями; в них будто сказывалась добродушная стойкость его характера. Поэтим украшениям можно легко узнать песни, которые он складывал... Некоторые другие певцы складывали свои песни изящнее, разнообразнее, чем Лаврентий Дмитриевич, но варианты последнего, несомненно, отличались большой оригинальностью». Его земляки-однодеревенцы не только гордились его пением, но звали его своим утешителем. Так, одна крестьянка рассказывала, как после смерти двух своих детей она «словно окостенела» и даже плакать не могла. «Сидит она раз у окошка, двинуться не может. Слышит — идет Лаврентий и поет тихим голосом... И прошел ей этот голос в самую душу, к сердцу. Подкатило к сердцу, заныло оно, и залилась она слезами. Выплакалась, будто ожила, легче стало и столбняк прошел»⁶⁰. Этот рассказ заставляет невольно вспомнить о жене целовальника в «Певцах». Е. И. Канн-Новикова справедливо отмечает, что и весь «обаятельный облик Лаврентия Дмитриевича» напоминает Якова⁶¹.

Несоответствие реальной действительности находил Б. М. Соколов и в изображенной Тургеневым манере исполнения народной песни и в самом стиле ее, как он передан Тургеневым. Ссылаясь на наблюдения и анализ Е. Линевой, считавшей основным мерилом художественного исполнения «простоту, ясность и искренность», Б. М. Соколов утверждал, что пение рядчика, как нарушившее эти основные требования, ни в коем случае не могло и не должно было вызывать такое отношение к себе, как это описано у Тургенева⁶². Однако Е. Э. Линева гораздо шире смотрела на дело и не довольствовалась только общими характеристиками. В русской песенной манере она отмечала различные оттенки и направления. «На основании знакомства с разными певцами, — подводила Е. Э. Линева итоги своих впечатлений и наблюдений, — определеннее выделяются в народном исполнении два стиля в зависимости от индивидуальности певца: один — строгий; другой, если можно так выразиться, — вольный. Первый — прост, серьезен, выражает сдержанное чувство; второй — более экспансивен: чувство вскрывается наружу в прихотливых переливах голоса, певец дает волю своей фантазии и, с умилением перед песней, точно лелеет ее и всячески украшает. Я не знаю, который из них лучше: к а ж д ы й и м е е т с в о ю п р е л е с т ь (разрядка наша. — М. А.). Оба стиля встречаются в старинных песнях, про которые знатоки говорят: «Уж в старину голосом-то водили, водили». «Старинная песня как река льется, с извилинами да загонами, а новая как чугушка бежит»⁶³.

Лопатин и Прокунин также отмечали увлечение отдельными певцами вариациями и трелями, причем иногда такое пение шло уже в ущерб «строгости исполнения основного напева». Существует даже специальный народный термин для обозначения такого «внешне блестящего» пения — «кудрявое» пение. «Он уж очень кудряво поет», — говорят про таких певцов⁶⁴. Тургеневский рядчик являлся, несомненно, представителем этого второго, «вольного стиля»; подчеркнутые уже выше слова Линевой о «прелести» каждого из этих двух стилей позволяют понять восторг ауди-

⁵⁹ Там же, стр. XXXI.

⁶⁰ Там же, стр. XXXVI—XXXVIII.

⁶¹ Е. Канн-Новикова, Собрательница русских народных песен Евгения Линева, М., 1952, стр. 106.

⁶² Б. М. Соколов, назв. соч., стр. 213.

⁶³ Е. Линева, назв. соч., вып. 1, СПб., 1904, стр. XXVII.

⁶⁴ Лопатин и Прокунин, назв. соч., стр. 94.